

Эссе Жака Ривьера «Россия» как психологический портрет русских

В. П. ТРЫКОВ

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматривается проблема восприятия России и русских французским писателем Ж. Ривьером (1886–1925) в контексте возросшего во Франции на рубеже XIX–XX вв. интереса к России. Показано, как в эссе «Россия» эволюционируют и трансформируются некоторые темы и характеристики, имеющие отношение к России и русским, намеченные Ривьером в его «Записных книжках». Констатируется, что эссе «Россия» приобретает обобщенно-философский характер, являя собой синтез непосредственных наблюдений Ривьера над русскими в лагере военнопленных и тех представлений о России, которые формировались под влиянием русской литературы. Отмечается, что важнейшей составляющей русского характера для французского писателя была *l'infinité* («беспредельность», «бесконечность», «широта», «неоформленность»).

Подобный взгляд на русских в значительной степени формировался под влиянием Ф. М. Достоевского, его идеи «всемирности» как отличительной черты русского национального характера. Вместе с тем в статье отмечается, что Ривьер трактовал *l'infinité* как качество русских, порождающее не только их несомненные достоинства, но и недостатки. Ривьер, создавая образ русских и России, не стремится к упрощению. Напротив, следуя традиции Ф. М. Достоевского, он хочет создать сложный, противоречивый, объемный образ. В той внутренней борьбе между западным индивидуализмом и христианским смирением, отражение которой находим на страницах «Записных книжек» Ривьера, русские с их коллективизмом, нежеланием навязывать себя Другому, некоей самодостаточностью, которая исключает кичливость и презрение к Другому, смирением становятся своеобразным примером, и во многом именно этим объясняется его интерес и симпатия к ним.

В статье показано изменение писательской стратегии Ривьера в эссе «Россия» по сравнению с его «Записными книжками», выявлены некоторые приемы создания психологического портрета русских в эссе «Россия».

Ключевые слова: французская литература, имагология, образ России, психологический портрет.

В последнее время в отечественном литературоведении заметны усиление интереса к проблеме Другого, прежде всего к исследованию образа России в западной литературе, и рост числа работ имагологической тематики (см.: Фокин, 2003; Луков Вал., Луков Вл., 2007; Луков Вл., 2008; Ощепков, 2010; Хабибуллина, 2010; Ощепков, 2011; Михальская, 2012; Имагологические аспекты ... , 2012; Трыков, 2013; и др.). Представляется, что эта тенденция связана в первую очередь с актуальностью проблемы национальной и культурной идентичности, а также с поиском «национальной идеи».

Плодотворным, но еще недостаточно изученным этапом русско-французских культурных связей, когда Россия была «в моде» во Франции, стал рубеж XIX–XX вв. Кумиром французских литераторов и представителем русской литературы и культурной России во Франции был И. С. Тургенев. После его смерти начиная с середины 1880-х годов пальма первенства перешла к Л. Н. Толстому, творчество которого оказалось в центре внимания французской критики и читающей публики. С 1902 по 1913 г. в парижском издательстве «Сток» выходит издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, которое было прервано, так как издатель был недоволен ка-

чеством переводов. В 1885 г., за год до рождения Ж. Ривьера, опубликован трехтомный труд французского историка А. Леруа-Больё «Империя царей и русские» (1881–1885), ставший самым обстоятельным в XIX столетии и наиболее объективным сочинением о России во Франции. Годом позже французы познакомились с книгой дипломата и литератора М. де Вогюэ «Русский роман» (1886), во многом перевернувшей их представление о русской литературе и положившей конец разговорам о «подражательности» русской литературы, которые велись во Франции на протяжении почти всего XIX в. Растет интерес к русскому языку во Франции. В начале 1890-х годов были открыты кафедры русского языка в нескольких провинциальных университетах. В 1891 г. известный славист П. В. Буайе возглавил кафедру русского языка в парижской Школе восточных языков. Почти вся парижская пресса этого периода благоволила к России и выступала за скорейшее заключение российско-французского союза.

В этой атмосфере искреннего интереса ко всему русскому прошла юность Жака Ривьера (1886–1925), французского литератора, журналиста, бессменного секретаря «Нувель рёвю франсез», одного из самых влиятельных и престижных парижских журналов, который Франсуа Мориак назвал «розой ветров» французской культуры и «евангелием» французской молодежи начала XX в. Журнал много способствовал ознакомлению французов со всем новаторским и значительным не только во французской, но и в европейской (в том числе и в русской) литературе и культуре. Благодаря содействию Ривьера М. Прусту удалось в 1914 г. напечатать в «Нувель рёвю франсез» фрагменты романа «В поисках утраченного времени», отвергнутого ранее всеми парижскими издательствами, в которые обращался Пруст. Ривьер познакомил французскую публику с именами и произведениями А. Сьюареса, П. Валери, Алена-Фурнье, Г. Ибсена, Ф. М. Достоевского и др. В сентябре 1914 г. издание журнала было приостановлено в связи с началом Первой мировой войны.

Интерес к России у Ривьера возник еще в юности. Как и М. Пруст, Ривьер был восхищен русскими балетами Дягилева, музыкой Мусоргского. Летом 1907 г. он прочитал «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского, которые произвели на него сильное впечатление. В одном из писем той поры Ривьер так откликнулся на роман русского писателя: «Сколько восхитительных типов <...>. Это изумительно!» (Rivière, 1948: 160). Впоследствии Ривьер опубликовал в «Нувель рёвю франсез» несколько статей о Достоевском («О вере» — «De la foi», 1912; «Авантюрный роман» — «Le roman d'aventure», 1913; «О Достоевском и непостижимом» — «De Dostoïevski et de l'insondable», 1922). Ф. М. Достоевский оказал на Ривьера значительное литературное и интеллектуальное влияние.

В начале Первой мировой войны Ривьер был мобилизован и оказался на фронте. 24 августа 1914 г. он попал в плен к немцам. Здесь ему предоставилась возможность дополнить свои книжные представления о России, сложившиеся под влиянием русской литературы, непосредственными наблюдениями над русскими военнопленными, их бытом, нравами, психологией. Ривьер начал учить русский язык. Немногочисленные и разрозненные записи на русскую тему содержатся в «Записных книжках» Ривьера, которые он вел в плену. Они будут опубликованы только в 1974 г.

В 1917 г. он был освобожден из лагеря, вернулся к литературной работе. Среди прочих литературных начинаний Ривьера было и эссе о России, над которым он работал в начале 1920-х годов. Эссе «Россия» («Russie») увидит свет в 1927 г., два года спустя после смерти писателя.

Ривьер так никогда и не побывал в России. Все, что будет им написано о нашей стране, — результат его знакомства с русской литературой и русскими пленными, которых он наблюдал и с которыми общался в лагере.

Эссе «Россия» — это коллективный психологический портрет русских. Ривьер всегда проявлял интерес, вкус и склонность к психологическому анализу. Он — автор психологических романов «Эме» (1922), «Флоранс» (неоконч., опубл. 1935), в которых он продолжал линию современного ему французского психологического романа Ги де Мопассана, М. Барреса, П. Бурже, противопоставившего себя натуралистическому роману Э. Золя. В его «Записных книжках» встречаются многочисленные примеры рефлексии Ривьера о самом себе, своих чувствах, душевных состояниях, впечатлениях. Даже тогда, когда Ривьер в «Записных книжках» касается политических или нравственных вопросов, он зачастую рассматривает их с психологической точки зрения, видит их корни в психологии. «...Нравственность — всего лишь следствие. Причина коренится в психологии», — утверждал он в эссе «Россия» (Rivière, 1995: 31).

Психологизм Ривьера сочетался с напряженным «морализмом», поиском ответов на важные нравственные вопросы о свободе выбора, отношении человека к Богу, ответственности человека за свой выбор и поступки. В немецком плену он пишет книгу «В поисках Бога» (опубл. 1925). На страницах его «Записных книжек» встречаем частые упоминания имен французских писателей разных эпох (от Б. Паскаля до Ш. Пегги), которым были свойственны религиозные и экзистенциальные искания. Пьер Эммануэль относил Ривьера к породе писателей, которых он называет «семейством душевных умов» (*des intelligences cordiales*), «которые, не преуменьшая могущества разума, уравновешивали его другими способностями человека и соединяли его с верой» (Emmanuel, 1974: II). К этой породе принадлежал и Паскаль, с которым Ривьер, по его словам, чувствовал «глубокую, почти родственную близость» (Rivière, 1974: 322). «Паскаль. Мое сердце никогда не покидало его» (там же: 218). Ривьер признается, что любил в Паскале «его позицию ученого перед лицом царства мистики. Он был одним из тех, кто сумел узнать настоящее средство и овладеть необъяснимым и невозможным даром — соединять одно с другим единственным возможным способом» (там же: 92).

Все сказанное выше отчасти объясняет, почему эссе «Россия» написано в форме обобщенного нравственно-психологического портрета русских. Читатель не найдет здесь портретных зарисовок отдельных русских военнопленных или картин их быта, отношений между собой, которые встречаются на страницах «Записных книжек» Ривьера (см., напр., портреты Якова Федюка, Лаврова, Мищенко и др.). В эссе «Россия» Ривьер снял весь этот мемуарный пласт, с тем чтобы придать своему произведению обобщенно-философский характер. Этот пласт замещен другим — сведениями о русской литературе и культуре. Иллюстрируя то или иное свойство русского характера, Ривьер в эссе «Россия» обращается не к личным воспоминаниям и впечатлениям о русских времен плена, а к примерам из русской литературы, музыки.

В результате эссе «Россия», приобретает обобщенно-философский характер, предстает как синтез, квинтэссенция и итог как личных, непосредственных впечатлений и наблюдений Ривьера, так и его знакомства с русской литературой и культурой, его размышлений об особенностях и судьбах нашей страны.

Отношение эссе «Россия» к «Записным книжкам» Ривьера в раскрытии русской темы — это отношение продуманного единого и связного целого к мозаике отдель-

ных сиюминутных зарисовок, мотивов, эпизодов, тем, образов. Вместе с тем некоторые темы, лишь намеченные, начатые в «Записных книжках», получают развитие и завершение в пятидесятистраничном эссе о России, выдвинулся в нем на первый план, образуют смысловое ядро того образа России, который создает Ривьер, другие, напротив, переместятся на периферию или исчезнут вовсе. Первая запись в «Записных книжках», касающаяся русских, сделана 14 декабря 1914 г.: «Первый контакт с русскими. Тотчас что-то, что придает им подлинности... естественности... <...>. Молодые и суровые лица, лица грубых и чистых детей <...> Как они мне понравились!» (там же: 117–118). Тема «детскости», «наивности», «простоты», «естественности» русских далее в «Записных книжках» возникает неоднократно. Иногда она реализуется в форме краткого рассказа о каком-то эпизоде, невольным свидетелем которого стал Ривьер. Так, одна из записей 1915 г. сообщает: «Русские. Их манера утром раздавать хлеб, взвешивая кусочки на деревянных весах и спрашивая «Кому?». Их манера пить кофе с кусочками поджаренного хлебного мякиша. Нет лучшего символа их безграничной простоты» (там же: 200).

Однако в эссе «Россия» акцент будет смещен с «естественности» и «детскости» русских на другую фундаментальную, по мнению Ривьера, особенность русского характера — его «неопределенность», «незавершенность», «неоформленность». Эта тема «неоформленности» русского характера начата Ривьером еще в «Записных книжках». Так, в записи от 10 февраля 1915 г. он заключает о русских: «*Ils souffrent d'un manque de détermination*» («Они страдают от нехватки определенности») (там же: 183). Ту же «неопределенность» обнаруживает Ривьер и в русском языке. 12 марта 1915 г. он записывает в своих «Записных книжках»: «Какая-то неопределенность (*l'indétermination*) есть в их языке, его звуки неотчетливы, какие-то полугласные. Все заключено в модуляциях голоса; его мягкость, наивность; все средства, необходимые для выражения детскости и смирения» (там же: 197).

В «Записных книжках» впервые встречается и слово *l'infinité* («бесконечность», «беспредельность»), которое станет обозначением важнейшей особенности русского характера. В записи от 1 ноября 1915 г. по поводу XI и XII глав «Мертвых душ» Гоголя читаем: «Нужно будет охарактеризовать “беспредельность” русской мысли и уточнить ее природу на конкретных примерах» (там же: 271). Образцом подобной «беспредельности» для Ривьера стал Гоголь, в стиле которого он обнаружил сочетание предельной точности с внезапными и обширными лирическими отступлениями, наподобие знаменитого пассажа о «Птице-тройке».

В эссе «Россия» Ривьер вкладывает в слово *l'infinité* более широкий смысл, трактуя *l'infinité* как особенность не только «русской мысли», но русского характера, души. *L'infinité* становится синонимом «русскости», приобретает категориальный характер. *L'infinité* можно перевести на русский язык как «беспредельность», «бесконечность», «широта», «незавершенность», «неоформленность». Это специфическое свойство русских, по мысли Ривьера, затрудняет западному человеку понимание русского характера. «Даже располагая наилучшими возможностями наблюдать русских, Вы вскоре осознаете, что есть нечто в русском характере, что с трудом поддается пониманию, некая беспредельность (“*espèce d'infinité*”). Самое точное обозначение русской загадочности, непостижимости» (Rivière, 1995: 34–35).

Здесь уместно вспомнить предшественника Ривьера в изучении «русского духа» Э. М. де Вогюэ, автора книги «Русский роман» (1886), опубликованной в Париже в тот год, когда родился Ривьер. Вогюэ писал, что хочет разгадать «тайну этой зага-

дочной страны России» и «русской души» (Vogüè, 1886: X). Очевидно, что за те более чем тридцать лет, что прошли после публикации «Русского романа», «русская душа» не стала для французов более понятной.

Ривьеровское *l'infinité* — вариант и отголосок идеи столь любимого Ривьером Ф. М. Достоевского о «всемирности» России, широте русского человека, его отзывчивости к чужим народам и культурам, его способности перевоплощаться в них, вобрать их в себя, синтезировать, оставаясь при этом русским. Эта идея в форме «прямого слова» неоднократно, как известно, высказывалась русским писателем в его статьях, в «Дневнике писателя», в знаменитой «Речи о Пушкине». В имплицитном виде она содержится и в художественном творчестве писателя, является его магистральной темой.

Однако если у Ф. М. Достоевского «всемирность» русского гения — его ценное свойство и, безусловно, положительная особенность русского характера, условие творческого саморазвития и залог великого будущего России и русских, то отношение Ривьера к нему не столь однозначно.

С одной стороны, Ривьеру imponировала, даже чисто эстетически, эта «беспредельность» и «неоформленность» русских. С другой — он видел и ее отрицательные последствия. В «Записных книжках» Ривьер неоднократно упоминает имя Ф. М. Достоевского и признается, что никто из великих писателей ему не близок так, как Достоевский (Rivière, 1974: 413). Как отмечала в своей статье А. И. Владимирова, Ривьер «противопоставлял метод Достоевского «французскому» роману, который стремится внести порядок, устранить диссонансы, сгладить неровности» (Владимирова, 1978: 47). Ривьера пленяла сложность, неупорядоченность, та самая психологическая глубина и «неоформленность» героев Достоевского, которая, с точки зрения Ривьера, придавала образам, созданным гением великого русского писателя, особую «жизненность» («жизнь, не имеющая себе подобных» — так Ривьер в письме к Алену-Фурнье характеризует персонажей романа «Подросток») (Alain-Fournier, Rivière, 1926: 336). В статье «О Достоевском и непостижимом» Ривьер писал, что «Достоевского интересуют прежде всего “пучины души”, непостижимость которых он стремится подчеркнуть» (цит. по: Владимирова, 1978: 47).

Следствием «неоформленности» русского характера, по Ривьеру, становятся многие замечательные качества русских: их особое очарование, восхитительная простота в общении, отсутствие колкостей, внешняя красота, нежелание и неспособность навязывать Другому себя, обычай просить табачку и т. д. Прием, к которому Ривьер неоднократно прибегает в своем эссе, — противопоставление русских и французов. В сравнении с русским характером француза, «очень определенный, очень оформившийся», — утверждает Ривьер (Rivière, 1995: 27). В этом сопоставлении русского характера с французским, основанном на оппозиции «широты», «текучести», «неоформленности», с одной стороны, и «оформленности», «застылости», «ригидности» — с другой, Ривьер вновь следует за Достоевским.

Однако «неоформленностью» русских, по мысли Ривьера, обусловлены и их недостатки — начиная от мании продавать все, что имеют, даже паюшки хлеба в лагере для военнопленных, и заканчивая воровством и коррупцией. Заметим также, что о русском характере в «Записных книжках» Ривьер размышляет в категориях «нехватки», «недостаточности». Русским недостает то завершенности, то гордости и умения бросить вызов. Для Ривьера как истинного француза эта *l'infinité* уже тем нехороша, что не позволяет исчислить русских, замкнуть их в некую формулу, дать

определение. Он сетует, что в русских есть «что-то не то, чтобы слишком сложное, ибо на столь огромных территориях нельзя не заметить обращающего на себя внимание единообразия, но нечто слишком широкое (“quelque chose de trop grand”), что невозможно уловить и очертить» (Rivière, 1995: 35).

Ривьер, создавая образ русских и России, не стремится к упрощению. Напротив, следуя традиции Ф. М. Достоевского, он хочет создать сложный, противоречивый, объемный образ. «...То, что мы пытаемся здесь создать, не апология России, но ее портрет», — заявляет Ривьер (там же: 39).

Дело не только в том, что создаваемый образ России и русских стремится запечатлеть противоречия русского характера. Это делалось и до Ривьера. Например, в повести Ксавье де Местра «Кавказские пленники» (1815), в которой в образе солдата Ивана соединены такие, казалось бы, противоположные, несочетаемые качества, как любовь к ближнему и жестокость. Иван из самопожертвования и любви к своему командиру капитану Каскамбо сдается в чеченский плен, но он же убивает несколько чеченцев, в том числе не причинившего ему зла чеченского мальчика. Христианин Иван, неоднократно повторяющий «Бог русских велик!», становится жестоким убийцей. Ривьер же не просто соединяет в образе русских противоположные черты, но показывает диалектику русского национального характера, т. е. взаимообусловленность достоинств и недостатков русских, как из недостатков проистекают достоинства, а из достоинств — недостатки. Так, «неоформленность» русского характера, с одной стороны, обуславливает такие положительные качества русских, как безразличие к богатству и собственности, а с другой — их склонность к воровству и коррупции и т. д.

Естественным следствием русской l'infinité становится, в трактовке Ривьера, коллективизм русских. Сравнивая русских и французов, Ривьер писал: «Действительно странно видеть, насколько они (русские. — В. Т.) сплочены. В то время как у французов каждый агрессивно противостоит в своем индивидуальном развитии всем другим, у русских нет потребности выделиться, навязать себя другим. Они остаются недоиспользованными в некой неоформленной жизни, той самой, которая выражается в их песнях, одновременно таких живых и таких неопределенных. И это вовсе не сон, не азиатское оцепенение, а глубокий социальный инстинкт (Rivière, 1974: 183).

Мысль об общинности, коллективизме русских была не нова. Так, например, еще в XIX в. французский историк Мишле «воспринимал деревенскую общину как автономным западному миру, как вызов тому, что отличало западное сообщество от всех остальных <...> — уважению к индивидуализму и гражданским свободам» (Жоукер, 2000: 34). Новым была оценка Ривьером русской общинности. Если Мишле и его многочисленных идейных последователей она страшила, то у Ривьера вызывает противоречивое чувство, в котором значителен оттенок симпатии и сочувствия. Если в «Записных книжках» в описании русского характера, как уже отмечалось выше, преобладает семантика «недостаточности», «недооформленности», «неопределенности», «нехватки», то в эссе «Россия» доминируют положительные коннотации. Так, например, коллективизм, свойственный русским, обуславливает красоту русского хорового пения. «Нигде оно не является столь совершенным», — заключает Ривьер (Rivière, 1995: 42). Следствием русской общинности является, с точки зрения Ривьера, и искреннее великодушие русских, и отсутствие у них собственнического чувства. Французам же, напротив, свойственны индивидуализм, стремление к самоутверждению. Говоря о своих соотечественниках, Ривьер использует зооморфную

метафору, уподобляя французов «петушкам»: «Все сложности французской истории проистекали из необходимости заставить жить вместе не цапаясь этих петушков» (там же: 42).

«Записные книжки» Ривьера — дневник той борьбы, которую он вел с самим собой, с собственным эгоизмом, индивидуализмом и гордыней, рассматривая эти качества как характерные для западного человека вообще. Так, например, он записывает в «Записной книжке» от 19 марта 1915 г.: «Этот грубый презрительный смех одного военнопленного-англичанина вчера, когда Л[ориоль] сказал ему, что я “друг русских”» (Rivière, 1974: 207).

О себе Ривьер пишет 28 ноября 1916 г.: «Я прежде всего индивидуалист. Индивидуализм для меня — начало всего, и какой неистребимый ужас испытываю я по отношению к этой мрачной и чудовищной доктрине, которая ставит общество выше индивидуума!» (там же: 366). Будучи французом, Ривьер осознает себя индивидуалистом, однако как христианин он осуждает в себе индивидуализм и гордыню. В этом — центральное противоречие его мысли, его мучительный внутренний конфликт. В «Записных книжках» Ривьер постоянно возвращается к этой теме: 22 мая 1915 г. он пишет: «Человек ничтожен, если только он не научится считать себя ничтожным» (там же: 225). «Боже, убереги меня от гордыни <...> Господь, помоги мне осознать свое ничтожество», — записывает он 1 октября 1915 г. (там же: 259). «Я прекрасно знаю, чего мне недостает, чтобы достичь той широты души, которая была у Достоевского (Как я еще далек от того, чтобы искренне полюбить каждого моего здешнего товарища!)» (там же: 192).

Ривьера, с одной стороны, настораживает отсутствие в русских личностного сознания и личного достоинства, проявляющееся в мелочах, деталях. В записи от 20 февраля 1915 г. Ривьер снова возвращается к этой мысли: «Русские! Им прежде всего недостает гордости и готовности бросить вызов» (там же: 190). Так, например, в записи 6 июня 1915 г. он отмечает: «Невыносимая манера Лаврова и вообще всех русских улыбаться Вам, когда они Вас о чем-то просят» (там же: 231). А с другой стороны, ему импонирует «привязанность русских ко всему, что у них есть, и в то же время очень незначительное желание навязывать его другому или утверждать это свое вопреки чужому» (там же: 208).

Очевидно, что в этой внутренней борьбе между западным индивидуализмом и христианским смирением, которая раздирает Ривьера, русские с их коллективизмом, нежеланием навязывать себя Другому, некоей самодостаточностью, которая исключает кичливость и презрение к Другому, смирением становятся своеобразным примером для Ривьера, и во многом именно этим объясняются его интерес и симпатия к русским. «Теперь я вижу новый, более глубокий смысл, который прежде был мне неясен, моей столь загадочной любви к России. Я понимаю все идеи, которые она несет в себе; наверное, тот зародыш, который есть в ней, был вложен и в меня в самом начале, при моем рождении. Какой силой?» (там же: 448). Что это за зародыш, о котором пишет Ривьер? Чуть ниже он дает ответ на этот вопрос, утверждая, что «Россия вся сочтена христианством (“La Russie est toute dégouttante de christianisme”）」 (там же: 448).

Подытоживая, отметим, что Ривьер был во французской литературе фигурой не первого ряда, но тем, может быть, интереснее и репрезентативнее его взгляд на Россию, взгляд культурного француза рубежа XIX–XX вв., отразивший те стереотипы восприятия нашей страны, которые были свойственны французскому культурному

сознанию этого времени. Трудно однозначно утверждать, сделал ли Ривьер вывод о «неоформленности» русских на основании своих непосредственных наблюдений над ними или же эта мысль была навеяна чтением Достоевского. Скорее всего, верно то, что чтение Достоевского еще до плена, до непосредственного знакомства с русскими уже сформировало у Ривьера некое представление о русском характере, которое затем нашло подтверждение в его личном опыте общения с ними. Творчество Достоевского накладывает отпечаток на восприятие России и русских Ривьером, становится той призмой, сквозь которую он их видит. Вместе с тем значимость для Ривьера «русской темы» становится понятной в контексте духовных исканий писателя, его этических установок и религиозных взглядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Владимирова, А. И. (1978) Достоевский во французской литературе XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л. : Наука. 240 с. С. 37–60.
- Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур (2012) : межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. О. Ю. Поляков. Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС». 270 с.
- Коукер, К. (2000) Сумерки Запада. М. : Московская школа политических исследований. 272 с.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2007) Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 124–131.
- Луков, Вл. А. (2008) Литературные концентры Европы в предпочтениях русского культурного тезауруса // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 18–23.
- Михальская, Н. П. (2012) Россия и Англия: проблемы имагологии. М. ; Самара : Изд-во ПГСГА. 224 с.
- Ощепков, А. Р. (2010) Образ России во французских путевых записках XIX века. М. : Изд-во Государственного ин-та русского языка им. А. С. Пушкина. 238 с.
- Ощепков, А. Р. (2011) Образ России во французской прозе XIX века : дис. ... д-ра филол. наук. М. 410 с.
- Трыков, В. П. (2013) Русские в повести Э. М. де Вогюэ «Шуба Осипа Оленина» // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 142–149.
- Фокин, С. Л. (2003) «Русская идея» во французской литературе XX века. СПб. : Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та. 211 с.
- Хабибулина, Л. Ф. (2010) Миф о России в современной английской литературе. Казань : Изд-во Казанского ун-та. 206 с.
- Alain-Fournier et Rivière, J. (1926) Correspondance : En 4 vols. Paris : Gallimard. Т. 2. 450 p.
- Emmanuel, P. (1974) Préface // Rivière J. Carnets. 1914–1917. Paris : Fayard. 491 p. P. I–XIV.
- Rivière, J. (1948) Correspondance. 1905–1920. Paris : Gallimard. 352 p.
- Rivière, J. (1974) Carnets. 1914–1917. Paris : Fayard. 491 p.
- Rivière, J. (1995) Russie. Paris : Editions de l'Aire. 51 p.
- Vogüè, E. M. de. (1886) Le roman russe. Paris : Plon. 347 p.

Дата поступления: 10.12.2013 г.

JACQUES RIVIÈRE'S ESSAY "RUSSIA" AS A PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE RUSSIANS

V. P. TRYKOV

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

The article covers the problem of the reception of Russia and the Russians as reflected in the works of French writer, Jacques Rivière (1886–1925). The author considers this issue in the context of the interest in Russia that was increasing in France at the turn of the 19th–20th centuries. The

research shows the evolution and transformations of some themes and characteristics related to Russia and the Russian people. The writer indicated them in his “Notebooks” (“Carnets”) and developed in his essay “Russia” (“Russie”). It is stated that the latter essay has some general and philosophical features. It is a synthesis of Rivière’s personal observations about the Russians in a prisoner of war camp and his notions of Russia, which were developing under the influence of Russian literature. The author highlights that the most important component of the Russian character for the French writer was l’infinité (“immensity”, “infinity”, “breadth”, “shapelessness”).

Such a view on the Russians was largely taking shape under the influence of Fyodor M. Dostoevsky and his idea of “all-world-ness” (vsemirnost’) as a hallmark of the Russian national character. Moreover, the article points out that in Rivière’s interpretation l’infinité is a characteristic of the Russian people that causes not only their doubtless merits but their imperfections as well. Rivière did not aspire to the simplification creating the image of the Russians and Russia. On the contrary, he wanted to create a complicated, inconsistent, and solid image following the tradition of Fyodor M. Dostoevsky. The Russians, in their internal struggle between the Western individualism and Christian humility reflected in Rivière’s “Carnets”, with their collectivism, unwillingness to intrude themselves upon the Other, a certain self-containment that disregards arrogance and contempt for the Other, and their humbleness, become a particular example. In many respects, this explains Rivière’s interest and sympathy to them.

The article traces the changes in the writer’s strategy in his essay “Russie” in comparison with his “Carnets” and reveals some techniques for the creation of the psychological portrait of the Russians.

Keywords: French literature, imagology, image of Russia, psychological portrait.

REFERENCES

Vladimirova, A. I. (1978) Dostoevskii vo frantsuzskoi literature XX v. [Dostoevsky in the French Literature of the 20th Century]. In: *Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh* [Dostoevsky in Foreign Literatures]. Leningrad, Nauka Publ. 240 s. Pp. 37–60. (In Russ.).

Imagologicheskie aspekty russkoi i zarubezhnykh literatur [The Imagological Aspects of Russian and Foreign Literatures] (2012) : interuniversity collection of scientific papers / ed. by O. Yu. Poliakov. Kirov, Raduga-PRESS JSC. 270 p. (In Russ.).

Coker, C. (2000) *Sumerki Zapada* [Twilight of the West]. Moscow, The Moscow School of Political Studies. 272 p. (In Russ.).

Lukov, Val. A. and Lukov, Vl. A. (2007) Rossiia i Evropa: dialog kul’tur vo vzaimnom otrazhenii literatur [Russia and Europe: The Dialogue of the Cultures in the Mutual Reflections of the Literatures]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 124–131. (In Russ.).

Lukov, Vl. A. (2008) Literaturnye kontsentry Evropy v predpochteniiakh russkogo kul’turnogo tezaurusa [Literary European Centres in the Preferences of Russian Cultural Thesaurus]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 18–23. (In Russ.).

Mikhail’skaia, N. P. (2012) *Rossiia i Angliia: problemy imagologii* [Russia and England: The Problems of Imagology]. Moscow ; Samara, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities Press. 224 p. (In Russ.).

Oshchepkov, A. R. (2010) *Obraz Rossii vo frantsuzskikh putevykh zapiskakh XIX veka* [The Image of Russia in the French Itineraries of the 19th Century]. Moscow, The Pushkin State Russian Language Institute Press. 238 p. (In Russ.).

Oshchepkov, A. R. (2011) *Obraz Rossii vo frantsuzskoi proze XIX veka* [The Image of Russia in the French Prose of the 19th Century] : doctoral diss. (philology). Moscow. 410 p. (In Russ.).

Trykov, V. P. (2013) Russkie v povesti E. M. de Vogüe «Shuba Osipa Olenina» [The Russians in E. M. de Vogüe’s Short Story “The Fur Overcoat of Joseph Olenin”]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 142–149. (In Russ.).

Fokin, S. L. (2003) «Russkaia ideia» vo frantsuzskoi literature XX veka [The “Russian Idea” in the French Literature of the 20th Century]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ. House. 211 p. (In Russ.).

- Khabibullina, L. F. (2010) *Mif o Rossii v sovremennoi angliiskoi literature* [The Myth about Russia in Contemporary English Literature]. Kazan, Kazan University Press. 206 p. (In Russ.).
- Alain-Fournier et Rivière, J. (1926) *Correspondance*: En 4 vols. Paris, Gallimard. T. 2. 450 p. (In Fr.).
- Emmanuel, P. (1974) Prèface. In: Rivière J. *Carnets*. 1914-1917. Paris, Fayard. 491 p. Pp. I-XIV. (In Fr.).
- Rivière, J. (1948) *Correspondance*. 1905-1920. Paris, Gallimard. 352 p. (In Fr.).
- Rivière, J. (1974) *Carnets*. 1914-1917. Paris, Fayard. 491 p. (In Fr.).
- Rivière, J. (1995) *Russie*. Paris, Editions de l'Aire. 51 p. (In Fr.).
- Vogüè, E. M. de. (1886) *Le roman russe*. Paris, Plon. 347 p. (In Fr.).

Submission date: 10.12.2013.

Трыков Валерий Павлович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета, академик Международной академии наук (IAS, Инсбрук, Австрия). Адрес: 119435, Россия, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1. Тел.: +7 (499) 246-57-12. Эл. адрес: alex18@sumail.ru

Trykov Valery Pavlovich, Doctor of Science (philology), professor, professor of the World Literature Department, Moscow Pedagogical State University, full member of the International Academy of Science (Innsbruck, Austria). Postal address: 1 Malaya Pirogovskaya St., Moscow, Russian Federation, 119435. Tel.: +7 (499) 246-57-12. E-mail: alex18@sumail.ru